

ПОТОМУ ЧТО МОГУ

(стихи молодых поэтов)

**АЛЕКСАНДРА
ПОЛОВИНКИНА**

сiju в своей маленькой кухне
на съёмной квартире,
колени подтянуты к горлу,
руки прижаты к шее:
я не играю, я в домике.
домик — палатка с тиром,
и я в этом тире подрабатываю
мишенью.

вишу и болтаюсь на тонкой
ниточке, жду, когда же
придут и зарядят, станут
целиться, как взаправду.
и ты будешь здесь. да, ты тоже
придёшь однажды,
и я для тебя стану главным
объектом травли.

бликую на солнце, качаюсь,
словно в петле повешенный,
тебе будет сложно сбить меня
с первого выстрела.
но всё получится, ты метко
стреляешь, конечно же,
а тело моё слишком хрупкое,
чтобы выстоять.

мой маленький домик рухнет,
развалится под обстрелом,
в нём были игрушки из грязного
плюша, ты выиграл всех их.
а мы стали жертвой копоты:
расплавил и разъела.

наш тир переехал,
внимание, тир переехал.

но я не буду жертвовать ради
тебя собой,
в строгом ряду целующих тебя
женщин или мужчин
останусь плакальщицей, как
оплакивал Хиросиму,
возможно, когда-то
обыкновенный солдат,
стучали в набат, и приказ звучал
громче, чем собственный вой,
я не буду спасать тебя, дорогой
человек

как милый Боженька наш
за стёклышками иконки,
он никого не спас, только себя
на куски порушил,
нет, я не стану твоей игрушкой,
в мире, в котором делят
и крошки, и верхнюю шконку,
мы не разделим на завтрак
мою бессмертную душу
хиленькую душонку точнее,
трусливую, но живую,
мне от тебя не нужны
ни признания, ни верлибры,
если меня отпустишь, пожалуй,
скажу спасибо,

но разве возможно это,
когда в таком некрасивом
ты оставался насквозь красотой
удушен.

мы с тобой одним миром мазаны,
одной мерой смиренны, крещены
в один день

под чужими стягами,
со смешными фразами,
за дверьми бессменными,
слетающими с петель.

ты меня рассказывай лампадке
с маслом,
у Христа за пазухой — бабка
сказывала — я сплю.

рассыпаюсь пазлами
по скатанному паласу —
распустился в трёх местах,
выброси всё и сплюнь.

воздух вымазан запахом вязкого
табака.
от безверья засватали нищую
за сифилитика,

её трупные пятна нам облака,
её язвы — обители.
обитателям подоконников —
шутки про подыхать.

приходи распить со мной
и меня распать,
нам её хоронить, целовать
в лоб и щёки запавшие,

город выслан простынью
в панцирную кровать,
она слушает, как и всякая мать,
ни о чём не спрашивая.

расплакаться в комнате у своего
врага,
зайцем в автобусе, зайцем бы
до конечной,

некому больше выслушать
и поругать,
даже бы просто выгнать
по-человечьи.

волками одеться овцам —
остаться целым,
целым едином стадом, большим
отрядом.

может, сегодня станем одним
картелем,
всем остальным
ножа/огнестрела/яда?

ада. нам с тобой ада,
как в старой книге.
вырезан, выхвачен из-за окна
сентябрь,

по подоконникам, почтовым
читаю раскидан,
тянет к решёткам чёрные
ветки-грабли.

можно забыть о милосердии
к ближним,
видишь, стекает капля
по подбородку,

там, за окном, дождь доедает
вишню,
здесь, за порогом, током искрит
проводка.

утром не видишь солнца,
не чуешь даже,
кто-то успел, наверно, убить
кого-то,

нарисовал во сне ледовое
 побоище,
 взятие москвы, бруслиловский
 прорыв:
 живописец не вдыхает ядовитые
 пары,
 а выдыхает через толстые мазки.
 я по земле лечу как
 переносчик-москит,
 но взлетал как лётчик-герой.
 каплю крови продолжу
 и кисточкой, и пером,
 иначе обвинишь в неприкрытом
 грабеже.
 молчи, я буду слушать голоса
 изображений.

вводораздел

в радости я тебе не нужен,
 только в горе,
 но в горе затоплен весь
 обезличенный орен.
 цунами накрыло пледом улицы
 и проспекты,
 песенка наша спета
 клик
 песенка перепета
 голосом лучшего друга, лидера
 в номинации
 «людям свойственно быть,
 но меняться»
 по принципу действия нижнего
 белья.
 главное, бей сильнее, диалог —
 бильярдная,
 диалог — основное связующее
 звено
 между мытьём и катанием,
 водой и вином,
 где воды полно: стирай
 с порошком, топись,

априори не хватит
 оправдательных писем.
 вход закрыт, в бильярдной
 сломался кий —
 ты и я отныне закадычные
 чужаки.

СЕРГЕЙ МАКАРОВ

К морю

Ставки сделаны, карты вскрыты,
 Проиграл ли, выиграл —
 всё равно.
 Дышит море, как на открытых,
 Я мешаю в стакане вину с вином.
 Что за радость кружить серой
 чайкой,
 Повторяя проходим истошное
 «дай»?
 Море берег штурмует отчаянно,
 Я мешаю в стакане с виной
 печаль.
 Жизнь — талантливый
 компрачикос,
 Сбросить шкуру вечную хочется.
 Треплет море водорослей косы,
 Я добавил в стакан одиночество.
 Нужно как-то вставать, взлетать,
 жить,
 Забираться на целей скалы.
 Морю вздумалось отступить,
 Получилась тоска в стакане.

Солнце молча ползёт по кругу,
Брешет ветер, радость не всем
дана.
Море тянет холодную руку,
Жму. стакан выпиваю до дна.

Кот

Я свободен, как всякий
бездомный кот,
Моя родина — весь наш
подлунный мир,
Я послушен, пока не набью
живот,
Я радушен, пока нахожусь один.
Нас таких миллиард,
нам хозяина нет,
Нас таких не сломить, каждый
к драке готов.
Мы, коты, доверяем одной весне,
Мы — коты. Не родился пастух
котов.
Мы свободны, и каждый
свободный — царь,
Каждый — Бог, но когда
в животе урчит,
Каждый кот стать домашним
мечтает,
И орёт, и в слезах за прохожим
бежит.
Я свободен, как всякий
бездомный кот,
Моя родина — весь наш
подлунный мир.
Я отдал бы свободу, да никто
не берёт,
Очень жаль, дух свободы
пронзительно сыр!
Нас таких миллиард —
одиноких сердец,
Мастаки мы в любви, каждый
к ласке готов,

Мы дичаем, но скажет любой
гордец:
— Жаль, ещё не родился пастух
котов!

Медведь

Одиночество на полу —
Как очерченный мелом круг,
Как защита от злобных ведьм.
Только я не из Божьих слуг:
Всепрощения не несучу.
Я здесь заперт, как в клетке
медведь!
Я здесь заперт за крик и смех,
За попытки любить их всех,
За высокий полёт наяву.
Я здесь заперт за то, что смел,
Я здесь заперт за то, что пел,
И теперь не пою, а реву.
В моём рёве услышит друг
Одиночества белый звук
И тоски ледяные своды.
Но, главой замыкая круг,
Под когтей жестяной перестук,
Я совсем не хочу свободы.
Пусть на волю идёт медведь,
Пусть звенит его шерсти медь.
Я, пошире расставив ноги,
Остаюсь здесь, чтоб досмотреть,
Доиграть, домолчать, умереть
Так же, как умирают боги.

Лошадёнок

Я скачу по большой траве,
Высоко поднимая ноги.
Гриву треплет ветер полей,
Я скачу... По железной дороге,
Паля чугуном ноздрей,
С хрипом, скрежетом, перестуком
Едет поезд. Поезд меня быстрее,
Но в движениях поезда мука...

И какой-то смешной человек
Машет, машет мне из оконца
И кричит про бессмысленный бег,

Про победу железной конницы,
Ищет в женщинах цену коня
И в конях — паровоза цену...
Я скачу, ветер гладит меня,
Солнце сходит за леса стену,
Я, своею свободой пьян,
Бью копытами всё веселее,
Мчу что сил есть по летнему лугу,

Поезд может меня быстрее,
Только поезд идёт по кругу.
Я скачу, потому что могу скакать,
В моём беге и сила, и грация.
Я живой. Про поезд этого
не сказать,

Поезда умирают на станциях.
Да, конечно, умирают и кони,
Но пока я ещё лошадёнок,
Я уверен: всегда побеждает
живое, —

И скачу, не жалея силёнок.
Потому что ты, поезд, обязан
встать,
Потому что ты не свободен
в пути.

Это значит, тебя я могу обогнать
И привольно скакать впереди!

Камень

Крепкой рукой упрямо он
катит камень.
Вверх прямо. Беспокойно.
Порывисто рьяно.
Одержимый стремленьем,
знанием тайным.
Напрягает колени, руки и спину
— и катит.
Ему неизвестна лень и слово
«хватит».

Камень не хочет катиться,
но он его катит.
Катит, катит, катит. Гора крута
некстати.

Ручьями струится пот.
Он жилист и твёрд.

Он верит, что можно только
вперёд,
Жёлтый карлик жжёт, усталость
гнетёт,
Но он катит, и камень к вершине
ползёт.

Вершина острая как игла.
Вкатившись едва,
С самого пика камень без писка
уходит в пике,
Неудержимо до низа, и замирает
в песке,

У подножья. Без гнева,
раздраженья и дрожи,
Твёрдой рукой упираясь
в камень моей души,
Бог снова катит его к вершине.
Безнадёжно.

Упрямо с верою в невозможное.
Он катит камень.

ЛЮБОВЬ КИ

Бесконечность

Время перевёрнуто. На часах
Стрелки встали кошками
на дыбы

Солнце раскалённое в волосах
Облака ошмётками из трубы
Мы стоим открытые как гробы
Нас сюда поставили для толпы
Целовать бумажно/сухие лбы
Причитать и пить нам вдогонку
яд
Аккуратно ровненько точно
в ряд

Говорят что это и есть тот ад
Где снаружи холод — внутри
горят
Много тысяч жизней вот так
подряд
То ли это кладбище, то ли сад
Пахнет древесиной и чабрецом
Залиты по самую грудь свинцом
Рядом шоколадки, фужер
с винцом
Это сложно даже назвать концом

Потому что крышки стоят и ждут
бесконечность этих земных минут

Одеяло

Хватит примерять это одеяло
Ты его прожёл и оно сбежало
С безобразной дыркой зашитой
наспех
Всякий, кто увидит — поднимет
на смех

Как мы забываем чужие раны —
«Разве тебе больно? Какой ты
странный...»
Носим как медали свои обиды
Чтобы пожалели, чтоб было
видно

Снежной королеве не светит
нежность,
Но зато есть ум и годится
внешность
А сквозь льдинки солнце играет
ярче
И согреть старается чей-то
мальчик

Так что одеяло забудь мой
милый
Если тебе легче, то — да, любила
А теперь так скользко и столько
ила

Не буксуй, хороший
Я отпустила

Ты большой и добрый смешной
мальчишка
Я тебя не трону, не в этом
фишка

Два огромных сердца —
пожалуй, слишком
Истина в дерьме, а во мне
винишко

И давай без пафоса без
проклятий
Сколько ещё будет в твоей
кровати
Чтобы наконец-то настало
«хватит»
Начинай копить сколько можно
тратить

Начинай копить
и довольно трусить
Бесконечна нить
маловато бусин

Имя

Волки вокруг
И крысы
Душно
И очень вязко
Я не люблю сюрпризы
Я ненавижу сказки

Есть на груди кармашек
Маленький невесомый
В нём я зашила «страшно»
Не выходя из комы

В нём я зашила вечность
И разлила по кружкам
Небо сутулит плечи
Песенно и ненужно

Волки смыкают пасти
Руки вдоль тела — плети
В вихре кровавых свастик
Мёрзнет в ладошке крестик

Я потеряла голос
Мир онемел и вымер
Нет не перемололось
Это больное имя

Костью застряло в горле
Кровью идёт сквозь кашель
Море бескрайней боли
В маленький мой кармашек
Белой от страха нитью

Криво ложатся стёжки
Мой обнажённый Питер
Памятники
Заброшки

Щуриться и влюбляться
Не усложняя драмой
Имя зашито
Хватит

Время сминает храмы

Абьюз

Храбрюсь
Почти не курю
Пью брют
Не ищу глазами крюк
Как Марина
Ровно держу спину,
Удар.
Планирую летний загар
И если ты планируешь заявиться
в разгар
Всего этого любительского
спектакля
Я стеку по стене как капля

И впитаюсь и испарюсь
Как самый обыкновенный трус

Ты думаешь, я злюсь?

Бог с тобой, это абьюз